

Ю. М. Рапов

БЫЛА ЛИ ВЕРВЬ «РУССКОЙ ПРАВДЫ» ПАТРОНИМИЕЙ?

Вопрос о сущности восточнославянской верви — один из наиболее сложных и запутанных вопросов русской истории. Вместе с тем он является важнейшей составной частью проблемы генезиса и развития русского феодализма. Без его разрешения невозможно понять ни структуру Киевского государства, ни те внутренние социальные процессы, которые происходили в Древней Руси.

Еще в дореволюционное время историки вели острые споры о верви Русской правды. Ее объявляли то родом¹, то семейной общиной — задругой², то сельской территориальной общиной³, то страховым обществом⁴, то административно-судебной единицей (волостью, округом, погостом)⁵.

Этот спор был продолжен советскими историками-марксистами. С. В. Юшков⁶ и В. В. Мавродин⁷ предложили трактовать термин «вервь» как семейную общину — задругу, находящуюся на стадии разло-

¹ А. Чебышев-Дмитриев, О преступном действии по русскому допетровскому праву, Казань, 1862, стр. 46.

² Ф. И. Леонтович, О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту сравнительно с задругою юго-западных славян, «Журнал Министерства народного просвещения», 1867, апрель, стр. 8—12, 18 и др.; К. Н. Бестужев-Рюмин, Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. 43; А. Я. Ефименко, Исследования народной жизни, М., 1884, стр. 238 и др.; Г. Ф. Блюменфельд, О формах землевладения в древней России, Одесса, стр. 53 и др.

³ В. Л. Лешков, Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в., М., 1858, стр. 109; О. Миллер, Опыт исторического обозрения русской словесности, ч. I, вып. 1, СПб., 1865, стр. 136—137; М. Ф. Владимирский-Буданов, Рец. на кн. Г. Ф. Блюменфельд, О формах землевладения в древней России», «Университетские известия», Киев, 1855, № 11; его же, Обзор истории Русского права, Киев, 1907, стр. 78; И. Д. Беляев, Лекции по истории русского законодательства, М., 1888, стр. 189; М. Ясинский, Село и вервь Русской Правды, «Университетские известия», Киев, 1906, № 3; Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910, стр. 99; А. Е. Пресняков, Лекции по русской истории, т. I, М., 1938, стр. 55.

⁴ С. В. Ведров, О денежных пенях по Русской Правде сравнительно с законами салических франков, М., 1877, стр. 93—106; В. И. Сергеевич, Лекции и исследования по древней истории русского права, СПб., 1903, стр. 388—389.

⁵ И. Болтин, Правда Русская или законы князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, СПб., 1792, стр. 1; Н. Полевой, История русского народа, т. II, М., 1830, стр. 80; А. Рейц, Опыт истории российских государственных и гражданских законов, М., 1836, стр. 182; Д. Иванишев, О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою, Киев, 1840, стр. 105; Н. В. Калачов, Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, вып. 1, СПб., 1880, стр. 125, 185.

⁶ С. В. Юшков, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М.—Л., 1939, стр. 8, 11—12; его же, Общественно-политический строй и право Киевского государства, М., 1949, стр. 87.

⁷ В. В. Мавродин, Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства), 1946, стр. 108, 111 и др.

жения. Против такого толкования выступил Б. Д. Греков⁸, который настаивал на том, что в Русской Правде данным термином обозначалась территориальная соседская община. Для подкрепления своего вывода исследователь привлек и широко использовал Полицкий статут — один из важнейших памятников права южных славян, действовавший в средние века в Далмации. «Полицкий статут...», — писал Б. Д. Греков, — знает большую семью, но вервью ее не называет»⁹. Точка зрения Б. Д. Грекова по данному вопросу получила поддержку у ведущих советских историков¹⁰ и долгое время считалось бесспорной. Однако в 1963 г. появилась книга М. О. Косвена «Семейная община и патронимия», в которой вервь Русской Правды и Полицкого статута объявляется патронимией¹¹. Что же такое патронимия? Каковы ее отличительные черты?

Это общественно-экономическая форма была впервые открыта М. О. Косвеном у удмуртов в 1931 г.¹²

«Патронимия, — писал М. О. Косвен, — историческая общественная форма, свойственная патриархально-родовому строю. Она представляет собой группу семей больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархально-семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное и идеологическое единство и носящих общее, патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи наименование»¹³.

Возникает патронимия, по М. О. Косвену, в эпоху патриархально-родового строя, а затем, пройдя определенную эволюцию, существует и в последующих формациях. Исследователь намечает три фазы в развитии патронимии. Первой фазе соответствует архаическая форма, сохраняющая основные первобытнообщинные черты и относящаяся «к начальной стадии истории патриархально-родового строя». Данная форма, как отмечает автор, не прослеживается ни по историческим, ни по этнографическим источникам, ее можно лишь гипотетически реконструировать. Во второй фазе своего развития патронимия предстает уже в распадном состоянии. В третьей фазе патронимия характеризуется отдельными и различными, хотя и связанными в определенные комплексы родовыми пережитками¹⁴.

Хозяйственное, общественное и идеологическое единство патронимии, находящейся на начальной стадии развития, заключается, по М. О. Косвену, в коллективном производстве и в посемейном потреблении произведенного продукта; в совместной нераздельной собственности на землю, угодья, водные источники, скот, орудия производства и хозяйственные сооружения; в управлении посредством общего собрания и выборов главы; в праве предпочтительной покупки и родового выкупа имущества членов патронимии; в общих празднествах; во владении общим кладбищем, на котором хоронили умерших; в подчиненности отдельных

⁸ Б. Д. Греков, Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута, «Вопросы истории», 1951, № 8; его же, Киевская Русь (см. Б. Д. Греков, Избранные труды, т. II, М., 1959, стр. 60—78); его же, Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. (Б. Д. Греков, Избранные труды, т. I, М., 1957).

⁹ Б. Д. Греков, Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута, стр. 35.

¹⁰ См., например: М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской Правды, под ред. Б. А. Рыбакова, М., 1953, стр. 98; Б. А. Рыбаков, Предпосылки образования Древнерусского государства, в кн.: «Очерки истории СССР III—IX вв.», М., 1958, стр. 833.

¹¹ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 133—167. Впервые этот взгляд на вервь был высказан М. О. Косвеном в докладе «Семейная община и патронимия», прочитанном на майской сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР в 1964 г. (см. «Вестник Академии наук», 1946, № 7, стр. 102).

¹² М. О. Косвен, Распад родового строя у удмуртов, «Ученые записки Научно-исследовательского ин-та народов Советского Востока», вып. III, М., 1931.

¹³ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 97.

¹⁴ Там же, стр. 97—96.

семей руководящей старшей семье; в сохранении в сознании членов патронимии происхождения от общего предка; в том, что она занимала отдельное селение и составляла воинскую единицу¹⁵.

На более поздних этапах существования патронимии ряд ее институтов видоизменяется. Семейные общины распадаются на малые семьи. На смену производственному коллективизму приходит взаимопомощь при уборке урожая, сооружении жилищ и т. д., которая носит спорадический характер. Пахотная земля, альменды, орудия труда и скот делятся между семьями. Патронимия начинает составлять только лишь часть селения, отдельный квартал¹⁶.

М. О. Косвен отмечал, что патронимия с самого начала своего существования (хотя она и возникает в начальный период истории патриархально-родового строя) испытывает на себе влияние распада первобытнообщинных начал. Процесс распада патронимии он теснейшим образом связывает с индивидуализацией отдельных семей, которые постепенно становятся независимыми друг от друга и даже чуждыми одна другой. Окончательно распадается патронимия только после того, как исчезает большая семья, а малые семьи становятся выразительницами и носительницами частной собственности¹⁷.

К какой же фазе истории патронимии относит М. О. Косвен вервь Русской Правды? На этот вопрос мы не найдем прямого ответа в его работе.

Вервь Русской Правды и Полицкого статута, по М. О. Косвену, — «архаическая родственная группа, отчетливо отличная от семьи, будь то малой или большой, сама состоящая из отдельных семей-домохозяйств, но сохраняющая в известной мере имущественную и правовую общность»¹⁸.

Вервь была территориальной, но не соседской общиной, ибо она являлась частью села¹⁹. В эпоху Русской Правды она находилась в состоянии распада «в большей или меньшей мере глубокого» (?), поскольку уже в этот период внутри нее имелись отдельные самостоятельные семьи, которые принимали всю ответственность своих членов полностью на себя²⁰.

В своей книге М. О. Косвен неоднократно подчеркивает «невозможность смешения верви с соседской общиной», так как внутри первой действовали институты родового права, а именно: круговая материально-уголовная ответственность, нашедшая свое отражение в Русской Правде, а также право предпочтительной покупки, родового выкупа и необходимого наследования имущества умершего (все члены верви «были законными, так называемыми необходимыми наследниками»²¹), которые прослеживаются по Полицкому статуту²².

Фактически вервь-патронимия в изображении М. О. Косвена являлась формой организации коллектива родственников, которая стадially должна была находиться где-то между родовой и соседской общинами.

Следует отметить, что такие признаки патронимии, как коллективное владение альмендой, общие собрания, общие праздники, общее кладбище, являются присущими и родовой, и соседской общинам, и потому не могут быть определяющими²³. Что касается института круговой по-

¹⁵ Там же, стр. 104, 112—118.

¹⁶ Там же, стр. 106, 113—115.

¹⁷ Там же, стр. 115—118.

¹⁸ Там же, стр. 153.

¹⁹ Там же, стр. 156.

²⁰ Там же, стр. 158.

²¹ Там же, стр. 143.

²² Там же, стр. 153, 157.

²³ Противоречия М. О. Косвена в определении патронимии и некоторых ее признаков отмечены в работах советских исследователей. См., например, Н. А. Бу т и н о в,

руки, то он был характерен и для западноевропейской общины-марки на некоторых этапах ее развития, и для русской соседской территориальной общины, и потому также не может считаться отличительным признаком патронимии. Крестьянская община могла полностью состоять из малых семей в большей или меньшей степени родственных между собой, и все же быть соседской территориальной при условии, что соседские связи внутри нее преобладали над родственными и являлись главными.

В качестве примера восточнославянских патронимий М. О. Косвен привел в своей книге следующие археологические памятники: городища Боршевское на Среднем Дону, Монастырище на р. Ромны, Березняки около г. Рыбинска. Автор видел в них поселения групп родственных семей, «связанных между собой хозяйственной, социальной и идеологической общностью, выраженной, в частности, наличием общих хозяйственных помещений, (крытых.— О. Р.) переходов от одного жилища к другому, общего дома старшей семьи и, наконец, общего места захоронения»²⁴. Остановимся на этих археологических памятниках.

Что касается городища Березняки под г. Рыбинском, то еще в 1956 г (за 7 лет до выхода в свет книги М. О. Косвена) Е. И. Горюнова убедительно доказала, что оно неславянское²⁵. Таким образом, Березняки, как не имеющие ничего общего с восточными славянами, сразу же отпадают.

Городища Большое и Малое Боршевское под Воронежем, Монастырище на р. Ромны и некоторые другие в течение ряда лет рассматривались археологами и историками как своеобразные родовые поселки. Исследователи этих поселений полагали, что жилища на них (полуземляночного типа) были связаны между собой крытыми переходами²⁶. «Открытые нами жилища,— писал П. П. Ефименко,— имеют вид не отдельных жилых помещений, а целого улья помещений, лежащих одно возле другого. Эти обширные сооружения, дававшие приют, видимо, не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего первобытнообщинного гнезда»²⁷.

После этого в советской исторической науке прочно установился взгляд на поселения восточных славян VIII—IX вв. как на родовые или большесемейные поселки.

Однако в 1957 г. И. И. Ляпушкин доказал, что на поселениях роменско-боршевского типа никаких подземных переходов, соединяющих жилища в «улей», не существовало. «Несомненно лишь одно,— писал он,— что полуземлянки восточных славян в VIII—IX вв. размерами в 12—20 м² являлись жилищами не больших (патриархальных), а малых (индивидуальных) семей, объединенных в сельскую общину»²⁸.

Не было на этих поселениях ни общих домов старших семей, ни общих хозяйственных помещений. Последующие раскопки городищ роменско-боршевского типа подтвердили выводы И. И. Ляпушкина. Особый интерес в этом отношении представляет планировка и сам комплекс пол-

Община, семья, род, «Сов. этнография», 1968, № 2, стр. 93; Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовых и патронимической (клановой) организации»), «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 103—104.

²⁴ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 99—100.

²⁵ Е. И. Горюнова, Об этнической принадлежности населения Березняковского поселения, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее — КСИИМК), вып. 65, 1956.

²⁶ См., например: П. П. Ефименко, Раннеславянские поселения на Среднем Дону, «Сообщения ГАИМК», 1931, № 2, стр. 7—8; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, Древнерусские поселения на Дону, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее — МИА), вып. 8, М.—Л., 1948, стр. 10—11; В. В. Мавродин, Древняя Русь, стр. 101—102, 104—105.

²⁷ П. П. Ефименко, Раннеславянские поселения на Среднем Дону, стр. 7—8

²⁸ И. И. Ляпушкин, О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв., КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 13.

ностью раскопанного Новотроицкого городища IX—X вв., на котором археологами было вскрыто 50 построек, имевших размеры от 9 до 20 м². В каждой из жилищ-полуземлянок была найдена глинобитная печь, а также фрагменты глиняной лепной посуды, что является доказательством посемейного потребления производимого продукта. К каждому жилищу примыкали одна или несколько хозяйственных ям, а также хозяйственные постройки небольших размеров. В ряде домов и хозяйственных помещений были найдены орудия сельскохозяйственного производства (сошники, косы, мотыги, топоры)²⁹, что свидетельствует в пользу принадлежности орудий производства отдельным домохозяевам, а не коллективу обитателей городища. Ярким свидетельством индивидуализации малых семей данного городища являются клейма, нанесенные на донца глиняных лепных сковородок, найденных при раскопках³⁰.

Исследователь этого поселения И. И. Ляпушкин писал: «Среди полсотни жилищно-хозяйственных комплексов нет ни одного, который можно было бы связать с жизнью общества, ведущего свое хозяйство на коллективных началах (размеры жилищ 15—20 м², а постройки хозяйственного назначения, погребя и кладовые, совсем миниатюрные). Эти жилищно-хозяйственные комплексы могли принадлежать лишь малым семьям, что, однако, ни в какой мере не исключает, а чаще всего предполагает, как это имело место вплоть до XX в., наличие между некоторыми из этих семей близкого кровного родства»³¹.

Таким образом, на поселениях роменско-боршевского типа отсутствовали те признаки (общие хозяйственные помещения, крытые переходы от одного жилища к другому, общие дома старших семей), которые, как полагал М. О. Косвен, позволяли называть данные городища патронимическими поселениями. Другие же черты этих поселений (общие кладбища, ведение хозяйства малыми индивидуальными семьями, посемейное потребление произведенных продуктов) в равной мере свойственны как для патронимии, так и для соседской территориальной общины. Однако клейма на предметах домашнего обихода, найденных внутри жилищ малых индивидуальных семей, говорят за то, что данные семьи уже стали выразительницами и носительницами частной собственности, а это, по М. О. Косвену, свидетельствует об окончательном распаде патронимических отношений.

М. О. Косвен считал, что патронимии возникали в результате разрастания или сегментации больших патриархально-семейных общин. Он отмечал, что на последней стадии своего существования большие патриархально-семейные общины распадаются на малые семьи. Последние или получают отдельные помещения внутри общего дома, или изолированные постройки, примыкающие к основному дому, или, наконец, отдельные жилища, расположенные на территории общесемейной усадьбы. В то же время выделившиеся семьи не имеют внутри своих помещений очагов для разведения огня. Только главный дом имеет большой очаг, на котором готовится пища для всех членов патриархально-семейной общины. Вся задруга питается за одним столом из общего котла³². Следовательно, несмотря на территориальный раздел, распределение продуктов в патриархальной семейной общине продолжало оставаться уравнивательным.

Если мы обратимся к наиболее ранним восточнославянским поселениям VI—VIII вв., то не найдем там ни больших домов-столовых, ни лишенных очагов (или печей) малых жилищ, ни общих хозяйственных

²⁹ И. И. Ляпушкин, Городище Новотроицкое, МИА, вып. 74, М.—Л., 1958, стр. 15, 18—19.

³⁰ Там же, стр. 42—43.

³¹ Там же, стр. 224.

³² М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 62.

построек. Поселения у с. Корчак на р. Тетерев³³, в устье р. Тясмин³⁴, Саменки и Самчицы на южном Буге³⁵, Рипнев I и Ринев II на Западном Буге³⁶, в Надпорожье у балки Яцевой³⁷, у Луки Райковецкой³⁸, Пастьрское в Среднем Поднепровье³⁹, Каневское на Днестре⁴⁰, Плиснеск на Волини⁴¹, наконец, поселения Прутско-Днестровского междуречья⁴² были такими же по своей структуре, как и Новотроицкое городище. На большинстве из них дома располагались в хаотическом беспорядке. На некоторых (например, на Каневском⁴³) была уличная планировка. Жилища имели очень небольшие размеры — от 8 до 25 м². Около них группировались хозяйственные ямы и постройки. При раскопках во многих жилищах и в примыкающих к ним хозяйственных помещениях были обнаружены фрагменты кухонной лепной посуды (причем некоторые имели клейма⁴⁴), сошники, серпы, косы, мотыги, глиняные пряслица с отметинами — знаками собственности⁴⁵. На некоторых поселениях (например, на Пастьрском)⁴⁶ существовало специализированное ремесло, отделенное от сельского хозяйства.

Размеры жилых и неразрывно с ними связанных хозяйственных построек, их планировка, наличие печей внутри всех жилых помещений, отсутствие общих хозяйственных строений, в том числе и домов-столовых, находки внутри жилищ орудий производства, клейменной керамики, а также некоторых других вещей со знаками собственности — все это является бесспорным доказательством того, что данные поселения представляли собой совокупности отдельных жилищно-хозяйственных комплексов, объединенных в соседские территориальные, а не в патриархально-семейные общины.

В пользу этого свидетельствует и тот факт, что главным занятием данных восточнославянских поселений, как выяснили исследовавшие их археологи, было пашенное земледелие. А пашенная система земледелия, как установил В. И. Довженок, уже в VI—X вв. давала возможность малой семье производить не только необходимый, но и прибавочный продукт⁴⁷. Таким образом, развитие производительных сил у восточных славян ко второй половине I тысячелетия н. э. достигло такой ступени, когда отпала необходимость ведения хозяйства большими коллективами родственников, как это имело место в патриархальной семейной общине.

По свидетельству Нестора-летописца, дань с восточнославянских племен в IX—X вв. собиралась как на юге, так и на севере с отдельных

³³ И. П. Русанова, Поселение у с. Корчак на р. Тетереве, МИА, вып. 108, М., 1963, стр. 39—50.

³⁴ Д. Т. Березовец, Поселение уличей на р. Тясмине, там же, стр. 145—208.

³⁵ П. И. Хавлюк, Раннеславянские поселения Саменки и Самчицы, там же, стр. 320—350.

³⁶ В. В. Аулих, Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области, там же, стр. 366—381; В. Д. Баран, Раннеславянское поселение у с. Рипнева (Рипнев II) на Западном Буге, там же, стр. 351—365.

³⁷ А. Т. Брайчевская, Поселение у балки Яцевой в Надпорожье, там же, стр. 251—282.

³⁸ В. К. Гончаров, Лука Райковецкая, там же, стр. 283—315.

³⁹ М. Ю. Брайчевский, Исследования Пастьрского городища в 1955 г., «Краткие сообщения Ин-та археологии АН УССР», вып. 7, Киев, 1957.

⁴⁰ Г. Г. Мезенцева, Канівське поселення полян, Киев, 1965.

⁴¹ М. П. Кучера, Основні етапи розвитку стародавнього Плиснеська, «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вып. 2, Киев, 1959.

⁴² Г. Б. Федоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., МИА, вып. 89, 1960, стр. 173—229.

⁴³ Г. Г. Мезенцева, Указ. раб., стр. 61—63.

⁴⁴ См., например: Ю. В. Кухаренко, Раскопки у с. Сахновки, МИА, вып. 108, 1963, стр. 246, 249.

⁴⁵ См. Д. Т. Березовец, Указ. раб., стр. 167—168.

⁴⁶ См. М. Ю. Брайчевский, Указ. раб., стр. 96.

⁴⁷ В. И. Довженок, Землеробство в древней Руси до середины XIII ст., Киев, 1961, стр. 189.

«дымов»⁴⁸. Под термином «дым», по крайней мере у тех славян, которые жили на юге Восточной Европы, мог подразумеваться только отдельный дом малой семьи с печью (больших домов на юге при раскопках обнаружено не было), независимый в хозяйственном отношении от других таких же домов-хозяйств.

Из наиболее ранних поселений, найденных на территории Восточной Европы и приписываемых восточным славянам, только Староладожское (слои VII — IX вв.) можно с натяжкой отнести к разряду поселков, ведущих свое хозяйство на коллективных началах. Там при раскопках вскрыты дома площадью от 40 до 100 с лишним квадратных метров. Исследовавший эти постройки В. И. Равдоникас предполагал, что эти строения представляли собой жилища больших патриархальных семей и вмещали не один десяток жителей⁴⁹. Однако, как показали последующие исследования Г. Ф. Корзухиной, нижние слои Старой Ладogi (VIII — первая половина IX в.) нельзя связывать с восточными славянами⁵⁰.

Большие по размерам постройки были найдены в слоях X—XIII вв. и в некоторых древнерусских городах: в Новгороде, Киеве, Любече, Минске, Новогрудке и в других. Но эти постройки не были жилищами патриархальных семейных общин. Они представляли собой хоромы и дворцы феодалов⁵¹. Следует отметить, что строения, аналогичные староладожским (со срединным местоположением печи), найденные при раскопках Великого Новгорода, известный исследователь древнерусских жилищ П. И. Засурцев квалифицирует как производственные постройки⁵².

Итак, патриархально-семейные общины, которые должны были, по М. О. Косвену, являться неременной исходной экономической базой возникающих патронимий, по раннеславянским археологическим памятникам Восточной Европы совершенно не прослеживаются.

Обратимся теперь к материалам раскопок сельских поселений эпохи Киевской Руси.

Многие из сельских поселений X—XIII столетий были малодворными. Об этом свидетельствуют примыкающие к ним кладбища, которые обычно насчитывают 15—20 курганных насыпей⁵³. Наряду с такого рода поселениями существовали и селища с большой площадью, иногда достигавшей нескольких тысяч квадратных метров. Таким, например, было селище у с. Кичкас на Днепре, на территории которого при раскопках выявлено 57 построек полуземляночного типа. К каждому из жилищ примыкали хозяйственные строения, составляющие вместе с домами жилищно-хозяйственные комплексы. Размеры домов колебались от 16 до 25 м². Ни крытых переходов от одного жилища к другому, ни общих домов старших семей, ни общих хозяйственных помещений на селище обнаружено не было⁵⁴. Ничто не говорило за то, что на селище существовала патронимия.

На селище у с. Лебедка на р. Цне (время его существования — конец I тысячелетия н. э. — XIII в.) при вскрытии 0,9 всей площади поселе-

⁴⁸ «Повесть временных лет», под ред. В. П. Андриановой-Перетц, ч. I, М.—Л., 1956, стр. 16, 18 и др.

⁴⁹ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, «Сов. археология», вып. XII, 1950, стр. 34.

⁵⁰ Г. Ф. Корзухина, О времени появления укрепленного поселения в Ладoge, «Сов. археология», 1963, № 3, стр. 83—84. См. также: Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт, Археологическое изучение древнерусского города, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 96, 1963, стр. 10.

⁵¹ См., например: П. И. Засурцев, Новгород, открытый археологами, М., 1967, стр. 59—61.

⁵² П. И. Засурцев, Указ. раб., стр. 56.

⁵³ А. В. Успенская и М. Ф. Фехнер, Поселения Древней Руси, в кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», под ред. Б. А. Рыбакова («Труды Государственного Исторического музея», вып. 32, М., 1956, стр. 18).

⁵⁴ В. И. Довженок, Указ. раб., стр. 105, 207.

ния было найдено всего четыре разновременных жилища полуземляночного типа размерами в 16—20 м² и одна производственная постройка. В домах были обнаружены орудия сельскохозяйственного производства, рыболовства и охоты: наральник, сошник, 3 серпа, 5 кос, 4 топора, острога, рыболовный крючок, 5 глиняных грузил, 2 гарпуна, наконечник стрелы и т. д. На территории селища были найдены также фрагменты гончарной посуды с клеймами⁵⁵, что является доказательством существования на поселении частной собственности малых семей, которые на нем проживали. Находки клейм на поселении говорят опять-таки не в пользу патронимии.

Гончарные клейма были найдены и при раскопках других древнерусских селищ. Фрагмент керамики с клеймом был обнаружен в постройке № 2, имевшей размеры 4,6×3,4 м, датируемой XI—XIII вв., раскопанной на территории селища у с. Дросенского Смоленской области⁵⁶. В жилище № 16 (размеры (4×4) древнерусского селища, расположенного около с. Рипнева Львовской области, был найден фрагмент донца гончарного сосуда с клеймом XI в.⁵⁷

На древнерусском селище около с. Сахновки на р. Роси были раскопаны 32 постройки размерами от 15 до 20 м². Так же, как и на других древнерусских поселениях, к жилым строениям (внутри которых помещались печи) примыкали хозяйственные помещения. При раскопках жилища № 1 были найдены наральник, жернов, 2 рыболовных крючка, грузило, медное шило, 2 ключа; в полуземлянке № 4 были обнаружены 2 косы, топор, стремя, наконечник стрелы; в жилище № 5 — наральник, 2 косы, 3 ключа⁵⁸. Несомненно, что на селище проживали отдельные малые семьи, каждая из которых вела свое самостоятельное хозяйство. Найденные внутри домов ключи являются неоспоримым доказательством существования на поселении частной собственности на жилые и, по-видимому, на хозяйственные постройки.

По мнению В. И. Довженка, жилища древнерусских селищ могли вмещать только малые семьи, которые владели всеми необходимыми средствами производства для самостоятельного ведения хозяйства. В результате изучения орудий производства сельского хозяйства, бытовавших в Киевской Руси, он пришел к выводу, что производительность одного хозяйства смерда значительно превышала потребности его семьи в хлебе и в других сельскохозяйственных продуктах⁵⁹. Поэтому в Древней Руси попросту не было смысла вести хозяйства на коллективных началах. Выводы В. И. Довженка безусловно правильны, ибо в противном случае феодальная эксплуатация смердов в Древней Руси была бы невозможна.

Таким образом, археологические материалы совершенно не подтверждают существования в Киевской Руси поселений, в которых хозяйство велось бы большими коллективами родственников. Патриархальные семейные общины, из которых должны были возникнуть патронимии, не прослеживаются по археологическим данным не только для X—XIII вв., но и для VI—IX столетий.

При определении патронимии М. О. Косвен большое внимание уделял названиям поселений. Исследователь считал, что названия патронимий должны были представлять собой производные от собственных имен глав разделившихся семей. Сам термин «патронимия» обозначает

⁵⁵ Т. Н. Никольская, Древнерусское селище Лебедка, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 179—180, 184—185, 196.

⁵⁶ В. В. Седов, Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области, КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 107—108, 111.

⁵⁷ В. В. Аулих, Основні результати археологічного дослідження древньоруського селища в с. Ріпнів, Львівської області, в кн. «Диссертацийний збірник», Киев, 1958, стр. 40.

⁵⁸ В. И. Довженко, Указ. раб., стр. 208.

⁵⁹ Там же, стр. 189, 209.

«наименование по отцу». У славянских народов названия патронимий должны были оканчиваться на «ичи» и «овичи». В качестве примера М. О. Косвен приводил наименования Уветичи, Обреновичи, Васильковичи⁶⁰.

Что касается Уветичей, то они никак не могут подойти под определение патронимии. Уветичи (Витичев⁶¹) — один из самых древних русских городов-замков на Днепре, известный Константину Богрянородному как крепость на южной границе Руси, в которой ежегодно в июне собирались русские лодки-однодревки, направляющиеся в Константинополь⁶². В Уветичах в 1100 г. происходил съезд крупнейших русских князей и их бояр-управляющих⁶³. Нет никакого сомнения в том, что местом съезда была не территория патронимии, а великокняжеский замок. Археологические раскопки, проводившиеся в Уветичах, подтвердили свидетельство письменных источников о существовании там в X—XIII вв. хорошо укрепленной русской крепости. Никаких более древних восточнославянских поселений ни на территории самого городища Уветичи, ни поблизости от него при раскопках не обнаружено.

Наименования Обреновичи и Васильковичи вовсе не встречаются в письменных источниках среди названий русских поселений домонгольского времени.

Древнерусские письменные источники X—XIII вв. почти совсем не называют поселений, которые бы носили патронимические наименования с окончанием на «ичи» и «овичи». Нам известны всего два села, имеющие подобные окончания. Это — Ольжичи, упоминаемые «Повестью временных лет», и Березовичи из «Рукописания» волынского князя Владимира Васильковича. Село Ольжичи, как выясняется из летописи, получило такое название вовсе не потому, что его жители вели свое происхождение от какого-то Олега, а потому, что оно принадлежало киевской княгине Ольге⁶⁴. Село Березовичи также было частной собственностью сначала князя Федора Давыдовича, затем князя Владимира Васильковича волынского⁶⁵. Вряд ли название этого села происходит от имени какого-то Березы. Такого имени не встречается ни в древнерусских письменных источниках, ни в древних былинах, песнях, сказаниях. Скорее всего, село получило такое название в результате того, что оно было расположено где-то на «березѣ», т. е. на берегу какой-то реки.

Следует отметить, что многие названия древнерусских городов и сел были образованы от собственных имен людей. Например: Ярославль, Изяславль, Кснятин, Ставрово, Кучково и т. д. Однако эти названия возникли не от собственных имен глав разделившихся патриархально-семейных общин, а от имен основателей или владельцев данных поселений.

Материалы древней восточнославянской топонимики не дают нам никаких свидетельств в пользу существования патронимий в Киевской Руси.

Обратимся теперь к Русской Правде, к тем статьям, в которых говорится о верви.

Ст. 3. «Аже кто убьеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ; паки людин, то 40 гривенъ».

⁶⁰ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 92, 111.

⁶¹ Об идентичности Витичева и Уветичей см.: В. Н. Татищев, История Российская, т. II, М.—Л., 1963, стр. 121; Б. Д. Греков, Избранные труды, т. II, стр. 399.

⁶² Константин Богрянородный, Об управлении государством, в кн. «Хрестоматия по истории средних веков», под ред. С. Д. Сказкина, т. I, М., 1961, стр. 361.

⁶³ «Повесть временных лет» под 6608 (1100) годом.

⁶⁴ См. «Повесть временных лет» под 6455 (947) годом.

⁶⁵ «Памятники русского права», под ред. С. В. Юшкова, вып. II, М., 1953, стр. 28

Ст. 4. «Которая ли вервь начнетъ платити дикую вѣру колико лѣтъ заплатитъ ту виру, зане же безъ головника инъ платити. Будеть ли головник ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываетъ, того же дея имъ помогати головнику; а в 40 гривенъ ему заплатити ис дружины свою часть. Но оже будеть убиль или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вѣрви нынѣ, иже ся прикладываютъ вирую».

Ст. 6. «Аже кто не вложитъся в дикую вѣру, тому людье не помогають, но сам платить».

Ст. 15. «Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послухов 7, то ти выведеть виру; поки ли варягъ или кто инъ, тогда. А по костехъ и по мертвечи не платитъ верви, аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его».

Ст. 63. «Аже будеть росѣчена земля или знамение, или же ловлено, или сеть, то по верви искати татя или продажу».

Все эти статьи, касающиеся верви, взяты нами из Пространной редакции Русской Правды⁶⁶. О чем же в них говорится? Под термином «вервь» здесь подразумевается какая-то группа людей, живущих на определенной территории. Если один из членов верви совершает убийство или «въ свадѣ» (т. е. в результате ссоры), или «въ пиру» (по-видимому, предполагается, что убийца находился в нетрезвом состоянии), то он должен платить штраф — «виру». При верви существует какая-то общая касса, в которую члены этой верви «вкладываются». Если убийца является таким вкладчиком, то он платит только половину штрафа за убийство княжего мужа, оставшуюся половину вносят за него другие члены данной кассы. Если же убийца ранее в эту кассу «не вкладывался», то он обязан платить весь штраф сам.

Для чего нужна была такая касса? Во-первых, для того, чтобы выручить из беды неумышленно совершившего преступление члена верви (если он разбойник и убил человека безо всяких на то оснований, то, как свидетельствует ст. 5 Пространной Русской Правды, убийца выдавался вместе с женой и детьми «на потокъ и на разграбление»⁶⁷). Во-вторых, касса была нужна, оказывается, для того, чтобы платить из нее штраф за сбежавшего преступника. В случае, когда на территории, на которой живет вервь, обнаруживается мертвое тело («въ чьей же верви голова лежить») или к ней ведут следы преступника, уничтожившего знаки собственности, испортившего чье-то поле, обокравшего чужую сеть для ловли птиц или зверей, а вора найти нет никакой возможности, вервь обязана выплатить штраф за совершенное преступление.

В ст. 70 Пространной Русской Правды, которая как бы дополняет ст. 63, говорится, что, если след преступника ведет к какому-то селу, а жители его не в состоянии отвести от себя этот след, то они должны или выдать татя, или же заплатить за него штраф. Если же след преступника будет потерян на пустыре, «кдѣ же не будеть ни села, ни людий, то не платити ни продажи, ни татьбы»⁶⁸. Фактически статьи 70 и 63 идентичны. Разница лишь в том, что в ст. 63 речь идет о конкретном преступлении (о порче земли, уничтожении межевого знака, ограблении сети), а в ст. 70 говорится о преступлении вообще. Село и вервь приравниваются друг к другу в юридическом отношении. Возможно, что разница между ними заключалась лишь в том, что на территории верви жили свободные люди, а на территории села — зависимые. На эту мысль наводит тот факт, что в письменных источниках термином «село» часто обозначаются селения, в которых проживало зависимое от феодалов население — смерды, челядь и т. д. Так, в речи Владимира Мономаха на Долобском съезде князей 1103 г. имеются такие слова: «Дивно ми, дружино, оже лошади жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не

⁶⁶ Статьи из Русской Правды цитирую по М. Н. Тихомирову. См.: М. Н. Тихомиров, Указ. раб., стр. 88—89, 102.

⁶⁷ М. Н. Тихомиров, Указ. раб., стр. 89.

⁶⁸ Там же, стр. 103.

промыслите, оже то начнеть орати с мерд (разрядка здесь и далее наша.— О. Р.), и приѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлюю, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье?»⁶⁹.

А вот текст из грамоты Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю: «Се ез князь великий Изяслав Мьстиславичъ, по благославению епискупа Нифонта, испрошав еси у Новгорода святому Пантелеймону землю село Витославиць и Смерд...»⁷⁰.

По завещанию жены князя Глеба Всеславича киевскому Печорскому монастырю переходили в собственность после смерти княгини 5 сел с челядью⁷¹. Русские летописи и уставные грамоты упоминают ряд сел, бывших собственностью князей, бояр и дружинников⁷².

Что касается верви, то, как это явствует из Пространной Русской Правды, на ее территории жили люди. В пользу этого же свидетельствует и текст из сочинения Константина Богрянородного «Управление государством»: «Зимний и суровый образ жизни этих самых руссов таков. Когда наступает ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми руссами из Киева и отправляются в полюдь е, т. е. круговой объезд, и именно в славянские земли вервианов...»⁷³

Если жизнь смерда Русской Правдой оценивалась в 5 гривен, жизнь сельского старосты (тиуна) — в 12 гривен, то жизнь лядина — в 40 гривен («паки ли людин, то 40 гривенъ») ⁷⁴. Людин был свободным жителем Киевской Руси.

Наше предположение подтверждает и ст. 70 Пространной Правды, в которой жители села прямо противопоставляются людям: «кдѣ же не будеть ни села, ни людии...»

Таким образом, намечается следующая конструкция:
село — смерды, вервь — люди.

В статьях Русской Правды, у которых упоминается слово «вервь», совсем не содержится данных ни об общих хозяйственных постройках, ни о производственной взаимопомощи, ни о совместном владении средствами производства, ни о праве предпочтительной покупки и родового выкупа. Ни один из устойчивых или неустойчивых признаков патронимии не прослеживается по Русской Правде. Напротив, такие факты, как возможность предания имущества каждого члена верви «потому и разграблению», а также право каждого члена верви отказаться от вклада в «вервную кассу», свидетельствуют о том, что вервь была организацией соседской, территориальной, составленной из малых семей, ведущих самостоятельно хозяйство и независимых друг от друга.

В статьях 92—98 Пространной Правды говорится о разделе имущества свободного человека — лядина после его смерти. В дележе наследства принимают участие только жена и дети умершего. Родственники по боковой линии в разделе не участвуют. Имущество свободного, о котором говорится в этих статьях, называется «задницѣй», «домом». Статья 94 гласит: «А двор без дѣла отень всякъ меншему сынови»⁷⁵. Таким образом, после смерти отца младшему сыну отходило жилище, где ранее размещалась вся семья, и приусадебный участок. Старшие сыновья, оставшиеся без жилья, должны были строиться на земле заново. Остальное имущество делилось на доли между самыми близкими родственниками умершего — вдовою и старшими детьми⁷⁶. Разделен-

⁶⁹ «Повесть временных лет» под 6611 (1103) годом.

⁷⁰ «Памятники русского права», вып. II, стр. 104.

⁷¹ «Полное собрание русских летописей», т. II, М., 1962, стб. 492—493.

⁷² Например: Ольжичи, Предиславино, Берестово, Буице, Березовичи, Витославиць

и др.

⁷³ «Хрестоматия по истории средних веков», т. I, стр. 363.

⁷⁴ М. Н. Тихомиров, Указ. раб., стр. 81, 88, 90.

⁷⁵ Там же, стр. 107.

⁷⁶ Там же.

ное наследство становилось частной собственностью каждого из наследников, владельческие права которых строго охранялись законом.

Если вдова, говорится в ст. 95, после смерти мужа «расточила» имущество, которое предназначалось детям, а сама снова вышла замуж, она обязана возместить наследникам все, что было «расточено»⁷⁷. В то же время в других статьях Пространной Правды подчеркивается, что до имущества матери детям дела нет. При желании она может подарить доставшуюся ей часть наследства, кому захочет.

Ст. 96. «А матерня часть не надобѣ дѣтемъ, но кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли всѣмъ, а вси раздѣлять; безъ языка ли умереть, то оу кого будетъ на дворѣ была и кто ю кормить, то тому взяти».

Ст. 98. «А матери который сынъ добръ, перваго ли, другаго ли, тому же дасть свое; аче и вси сынове еи будутъ лиси, а дочери можеть дати, кто ю кормить»⁷⁸.

Иногда в семье возникали распри из-за наследства, которые решались в княжеском суде. Так, в ст. 100 говорится: «Аже братья ростяжуться передь княземъ о задницю, который дѣтський идѣтъ их дѣлить, то тому взяти гривна коунъ»⁷⁹.

Все это говорит за то, что имущество свободного людина (а именно людины были членами верви, как это мы показали выше) представляло собой во времена Русской Правды частную собственность домохозяйина и делилось после его смерти или по его собственному желанию («Аже кто умирая раздѣлить домъ свои дѣтемъ, на том же стояти...» — стр. 87)⁸⁰, или, в случае, если он не оставил завещания, только между членами его семьи. Родственники по боковой линии никаких прав на наследство не имели.

Что касается зависимых от князя смердов, то они также вряд ли проживали патронимиями. Как значится в ст. 85 Пространной Правды, имущество смерда-домохозяина после его смерти ликвидировалось — передавалось князю⁸¹.

Итак, как показывают материалы, малые семьи людинов, из которых состояли верви Русской Правды, были выразительницами и носительницами частной собственности, что, по М. О. Косвену, является верным признаком окончательного распада патронимических отношений.

Подведем некоторые итоги⁸². Ни большие патриархально-семейные общины, из которых, по словам М. О. Косвена, должны были образоваться патронимии, ни сами патронимии, по имеющимся в нашем распоряжении источникам (археологическим, топонимическим, летописным, Русской Правде), для домонгольского периода Руси не прослеживаются. Большинство источников убедительно свидетельствует о существовании в Восточной Европе, начиная примерно с VI в. н. э. славянских поселений, представлявших собой соседские территориальные общины.

SUMMARY

The author analyzes various archaeological and toponymical sources, the *lietopis* (chronicles) the «Russian Pravda» and arrives at the conclusion that neither big patriarchal communities which, according to Kosven, should serve as a base for the formation of patronymies, nor the patronymies themselves can be traced from available data for the pre-Mongol period. Most sources give convincing evidence of the existence in Eastern Europe, beginning with about the VI century A. D., of Slav settlements; these were simple territorial communities.

⁷⁷ Там же, стр. 108.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, стр. 109.

⁸⁰ Там же, стр. 106.

⁸¹ Там же.

⁸² Мы сознательно не касаемся в нашей работе Полицкого статута, поскольку этот документ и Русская Правда — памятники разновременные, отдаленные друг от друга по крайней мере на два-три столетия.